

Заозерский Н. А. Встреча и проводы тела в Бозе почившего Государя Императора Александра III в Москве 30—31 октября // Богословский вестник 1894. Т. 4. № 12. С. 487—492 (2-я пагин.).

Встрѣча и проводы-тѣла въ Бозѣ Почившаго Государя Императора Александра III-го въ Москвѣ 30—31 Октября.

Да будетъ Воля Твоя!

Тихо, величественно, печально, возвышенно—умилительно шествіе царственнаго гроба, сопутствующихъ ему Юнаго Самодержавнаго Царя, Царицы, Невѣсты Царя, Августѣйшаго Дома и представителей русскаго народа! Въ глубокомъ молчаніи идутъ эти люди и такимъ же молчаніемъ отвѣчаютъ имъ тысячи и тьмы темъ окрестъ стоящихъ людей. Только раскаты орудійныхъ выстрѣловъ и заунывный перезвоиъ колоколовъ нарушаютъ молчаніе. Содрогаются сердце и рука сама поднимается для крестнаго знаменія. Тихо, тихо раздаются болѣзненно-щемящіе душу печальныя аккорды похороннаго марша; чувство слуха напряжено и обезсилено безотраднымъ уныніемъ души. Глазъ ищетъ предмета развлекающаго... и увы! Всюду только мрачный цвѣтъ и тускло горящіе огни. Вотъ преданные Царю войска съ своими славными знаменами, не разъ бывавшими въ боевомъ огнѣ. Вотъ вѣрные Царю военачальники съ опущенными мечами. Вотъ представители государственныхъ сословій, вотъ слуги Царя! Всѣ до одинаго готовы бы отдать жизнь свою, чтобы снова явился среди нихъ Тотъ, за кого они молились, для Котораго наперерывъ старались оказывать свои услуги, и всѣ чувствуютъ, что Его *уже нѣтъ* среди нихъ! *Нѣтъ*.... и для выраженія скорби вызванной этимъ „нѣтъ“ первопрестольный городъ казалось былъ не истощимъ въ своихъ дневныхъ и ночныхъ трудахъ и въ своихъ изобрѣтеніяхъ и олицетвореніяхъ живаго искренняго печальнаго настроенія. Точно какимъ то чудодѣй-

ственнымъ маніемъ выросли вдругъ цѣлыя зданія, башни, арки и вся столица облеклась въ одно глубоко-траурное одѣяніе... Глазъ ищетъ предмета развлекающаго и замыкается отъ безпросвѣтнаго мрака. И едва ли когда сознание и чувство человѣческаго безсилія предъ непреодолимыми и непостижимыми опредѣленіями Судебъ Божіихъ были такъ ясны и непреодолимы, какъ въ эти достопамятные дни.... Но вотъ показалось что-то иное, ясное, свѣтлоторжественное.... Это великій соборъ священниковъ Божіихъ, а вотъ высоко на древкахъ блистаютъ свѣтлыя знамена: это побѣдныя хоругви; вотъ и блистающая лучезарная сѣнь надъ драгоцѣннымъ Гробомъ Великаго Царя. Рассѣялся безпросвѣтнй мракъ, душа озаряется свѣтлыми лучами надежды; люди благоговѣнно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ и отдають прощально-молитвенный поклонъ гробу своего Царя-отца, великаго и въ самой сѣни смертной.

„Блаженъ путь въ онъже идеши днесъ.... яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія; блаженъ путь Твой подъ свѣтлымъ знаменемъ Креста Христова, побѣдителя смерти, оживотворяющаго тлѣнное въ нетлѣніе и мертвенное въ безсмертіе... Вотъ и Юный Царь—Сынъ, Богомъ укрѣпляемый въ эти тяжкіе и первые дни Своего царственнаго подвига, сразу во всей его тяжести на Себя подъемлемаго. Вотъ и еще Юнѣйшій Сынъ Царя, вотъ царственные братья и друзья Царя.... вотъ и темная, какъ ночь, царственная колесница: въ ней царственная Вдова, Великая Царица супруга, Мать, пораженная горемъ, какъ оружіемъ, душу прошедшимъ. Снова сгущается невыразимо грустное облако печали и разрѣшается слезами участія къ этой сиротевующей царственной семьѣ. И снова тихо, печально шествіе.... Но вотъ шествіе пріостановилось: Царственный гробъ поровнялся съ храмомъ, на пути стоящимъ; изъ храма вышли священники въ своихъ бѣлыхъ облаченіяхъ; подъ сѣнію церковныхъ хоругвей установились они для встрѣчи Усопшаго и какъ только остановилось шествіе раздался ясный, кроткій возгласъ святителя: „Благословенъ Богъ нашъ!“ — „Со духи праведныхъ скончавшагося.... Во блаженномъ успѣніи вѣчный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему и сотвори Ему вѣчную память“. — Набожно крестится Царь, набожно крестится Царица.... Какъ одинъ человѣкъ кре-

стится вслѣдъ за Ними православный народъ и шлетъ имъ какъ бы въ отвѣтъ свой вздохъ, свои слезы, свое крестное знаменіе: *Да будетъ Воля Твоя!*

Таково было торжественное шествіе... Было и еще зрѣлище, едва ли гдѣ на свѣтѣ, кромѣ Православной Россіи возможное.

Въ теченіи половины дня и цѣлой ночи (съ 30 на 31-е) подъ дождемъ стоитъ длинная-предлинная вереница русскихъ людей. Какого чина, званія, состоянія, возраста людей нѣтъ тутъ? Преклонныхъ лѣтъ старцы, старицы, мужи, жены, юноши, дѣвицы, дѣти съ невозмутнымъ терпѣніемъ и безропотно ожидаютъ своей очереди облобызать на прощанье десницу Царя — „проститься съ Нимъ“, ожидаютъ цѣлую ночь и только уже возсіявшу солнцу достигаютъ своей цѣли. Нѣтъ здѣсь ничего какъ либо искусственно возбуждающаго чувство: напротивъ, здѣсь приняты мѣры къ опредѣленію этого чувства въ такія граицы, при соблюденіи которыхъ каждый могъ бы получить свою долю участія, могъ лично засвидѣтельствовать свою *родственную* любовь къ Усопшему — проститься съ нимъ. Одно только это чувство одушевляетъ всѣхъ этихъ людей и сдерживаетъ ихъ въ мѣстахъ своей очереди; одинъ у всѣхъ ихъ пунктъ стремленій - храмъ Архангела Михаила, подъ кровомъ котораго стоитъ драгоцѣнный гробъ, покоящій останки Великаго Царя. Трудно, почти невозможно повѣрить, что бы это было, а между тѣмъ это дѣйствительно было; *да, было это дѣйствительно!* Мы видѣли это собственными глазами. Тысячи свидѣтелей были при этомъ!

И невольно рождались вопросы: что же связываетъ эти массы людей съ Усопшимъ Монархомъ? *Естественная любовь родственниковъ?* О нѣтъ, какіе же они родственники! Отношенія обычной человеческой дружбы?—Нѣтъ. Какая либо общая дѣятельность у нихъ съ Нимъ, „дѣла какія-либо“?—Нѣтъ! Ибо многіе изъ этой длинной вереницы—быть можетъ даже и не видали Усопшаго; да и общественное ихъ положеніе такъ различно... Что же связываетъ и связывало Царя съ его подданными?—Весь свѣтъ теперь занятъ и еще долго будетъ занятъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Уже высказаны и попытки такихъ рѣшеній. „Добродѣтели Царя!“—Рѣшаютъ одни. „Его доброе сердце,

привѣтливый взоръ, котораго забыть нельзя“—утверждаютъ самовидцы Царя. „Его гуманное правленіе, его твердая, мирная политика, цѣнившая выше всякихъ политическихъ видовъ и выгодъ капли христіанской и человѣческой крови!“ и т. д. и т. д. Такъ ли это? Едва ли: во всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ есть только доли истины, но нѣтъ полной истины, которая бы удовлетворила, успокоила пытливый умъ. Такъ *что же?*—Ни то, ни другое, ни третье и т. д., а лучше сказать: и то, и другое, и третье и т. д. Но и при этомъ—нѣтъ полного удовлетворенія: ощущается потребность искать болѣе глубокой, болѣе сильной причины. Самый вопросъ, кажется, поставленъ не вѣрно. Рѣчь можетъ быть не о *чемъ* либо, а о *Комъ* либо, какъ Виновникъ нерасторжимаго духовнаго родства Царя съ подданными. И не оставить ли на время, пока усилія человѣческаго разума соберутъ всѣ данныя для научнаго разрѣшенія сего вопроса, попытки своимъ умомъ разгадывать великіе законы человѣческаго общежитія? Но есть еще путь не столь медленный и томительный... *Имамы извѣстнѣйшее пророческое слово* (2 Петр. I, 19). И вотъ объясненіе тайны родственнаго союза народа съ царемъ, этимъ словомъ даваемое: „*Мною*—говоритъ Богъ устами пророка—*царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду. Какъ же царствуютъ? Какъ же создается родственный союзъ Царя съ подданными, о которомъ мы знаемъ, что онъ есть и причинъ котораго не можемъ изыскать вполнѣ, съ основанія? Пророческое слово отчасти раскрываетъ завѣсу незримаго, непостижимаго промыслительнаго творчества. „Не помаза ли тебе Господь на царство людемъ своимъ? (Слова пророка Самуила къ только что помазанному имъ на царство первому Израильскому царю). „И ты царствовать будешь въ людѣхъ Господнихъ, и ты спасеши ихъ отъ руки врагъ ихъ окрестъ (Цар. X, ст. 1). И снидетъ на тя Духъ Господень и воспророчествуеши съ ними и обратишия въ мужа много (ст. 6). „И преложи ему (Саулу) Богъ сердце на ино и придоша вся знаменія въ день онъ (ст. 9)... И Сауль иде въ домъ свой въ Гаваю, и идоша съ нимъ сынове силь, ижеже коснися Господь сердецъ ихъ съ Сауломъ. Сынове же погибельніи рѣша: кто спасетъ насъ? Сей ли? И безчестоваша его и не принесоша ему даровъ (ст. 27).*

Вотъ Кто Виновникъ родства Царя съ народомъ и вотъ *какъ* созидаетъ Онъ это родство! Онъ коснется сердца Царева и измѣнитъ его *на ино*; Онъ же коснется сердець подданныхъ его и — они пойдутъ за нимъ и принесутъ Ему дары. Не пойдутъ за нимъ и не принесутъ ему даровъ только не многіе *сыны погибелнии*, сердець коихъ не коснется Господь.

При свѣтѣ этого пророческаго слова совершенно понятно это всеночное ожиданіе очереди своей со стороны старцевъ, мужей, дѣтей „проститься съ Царемъ“. Что ихъ къ этому влекло? — Господь коснулся сердець ихъ и они принесли Царю дары свои и шли за Нимъ и къ Нему.

Древніе и новые политическіе мыслители и дѣятели употребляли весьма много усилій и... человѣческой крови, чтобы создать единомысленный и крѣпкій политическій государственный союзъ. Исторія античной и новѣйшей цивилизаціи и государственнаго устройства представляетъ многочисленныя и разнообразныя теоріи и опыты примѣненія ихъ къ построенію государствъ разныхъ формъ. Повидимому просвѣщенное человѣчество уже недалеко отъ того, чтобы увѣривать въ возможность искусственно и по своему произволу построить такое или иное государство. Жалкое самообольщеніе! Гдѣ и когда былъ такой человѣческій геній, который бы заставилъ народныя массы повѣривать въ безусловное совершенство свое и безусловную правду тѣхъ нормъ общественной жизни, которыя онъ изобрѣтетъ и установитъ въ качествѣ закона, которому будутъ подчиняться эти массы? Нѣтъ, такими условными, договорными, изобрѣтенными человѣческимъ разумомъ, хотя бы даже и коллективнымъ, могутъ создаваться и держаться только малочисленныя ассоціаціи, товарищества, но отнюдь не націи, предназначенныя, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, къ высокому міровому назначенію. Самочувствіе въ націи, объединеніе ея происходитъ не по личному произволу и узкоиндивидуальному расчету, выгодѣ, а по непреодолимому влеченію нравственной природы, по не подкупному голосу совѣсти, предписывающей заповѣдь подчиненія Богомъ поставленной власти для охраненія благообразія человѣческой жизни и высшаго назначенія человѣческаго рода, по влеченію сердца, котораго касается Богъ. Вотъ почему въ

православной Россіи безъ всякаго принужденія, безъ всякихъ предварительныхъ уговоровъ и договоровъ народъ самъ спѣшитъ принести присягу на вѣрность Царю и вотъ почему, онъ искренно прощается и оплакиваетъ Усопшаго Царя, какъ *роднаго*.

Когда уже совсѣмъ окончились проводы изъ Москвы покойнаго Царя, въ толпѣ простолюдиновъ намъ удалось слышать такой діалогъ:

— „Мало Онъ погостилъ въ Москвѣ. Вотъ мнѣ хотѣлось проститься съ Нимъ, и другимъ хотѣлось, да не пришлось: нешто можно въ одинъ день; недѣлю надо бы... ну, хотя бы три дня, а то—только одинъ день; развѣ сообразишь съ эстолькимъ народомъ“?

— „Хорошо разсудилъ—отвѣчалъ другой—а каково томиться Царю, Царицѣ и дѣткамъ-сироткамъ. Вѣдь они пострадались сердечные. Вотъ еще и въ Петербургѣ сколько придется томиться, пока похоронять“.

— „Такъ что же—не унимается первый—развѣ легче будетъ, какъ похоронять“.

— „Вѣстимо легче: по крайности у себя дома, безъ народу поплачуть и помолятся, а то вишь все на народѣ, и отдохнуть и погоревать нельзя“!

— „Да, правда, помоги имъ, Господи“!

Въ глубокой преданности Волѣ Божіей, по доброй совѣсти и влеченію своего сердца скромно-сердечно русский народъ прощается съ новопреставленнымъ Царемъ своимъ, и съ искреннимъ благоговѣніемъ цѣлуетъ „слова и крестъ Спасителя“, присягая Его Преемнику.

Н. Заозерскій.